

Предисловие автора

Предисловие автора.

В трех очерках, отдаваемых мною на суд немецкого читателя, я делаю попытку истолковать и объяснить материалистическое понимание истории Карла Маркса, которое является одним из величайших завоеваний теоретической мысли XIX столетия.

Я прекрасно сознаю, что мой вклад очень скромен. Чтобы убедительно доказать всю ценность и все значение названного понимания истории, надо было бы написать подробную историю материализма. Не имея возможности сделать это, я вынужден ограничиться сравнением в отдельных монографиях французского материализма XVIII века с современным материализмом.

Из представителей французского материализма я выбрал Гольбаха и Гельвеция, которые, по моему мнению, были во многих отношениях весьма крупными мыслителями и которые до нашего времени не получили надлежащей оценки.

Гельвеция много раз опровергали, на него часто клеветали, но мало кто дал себе труд понять его. При изложении и критике его произведений мне пришлось, если позволено будет так выразиться, работать на девственной почве. Указанием мне могли служить только несколько беглых замечаний, найденных мною в сочинениях Гегеля и Маркса. Конечно, не мне судить, насколько правильно я использовал все, что я заимствовал у этих великих учителей в области философии.

Гольбах, менее смелый в своих логических выводах и менее революционный в своем мышлении, чем Гельвеций, еще при жизни меньше покровил, чем автор книги „О духе“. Его боялись не так, как последнего. Поэтому Гольбаха судили более благосклонно и к нему были более справедливы. Тем не менее, и его поняли только наполовину.

Как и всякая современная философская система, материалистическая философия должна давать объяснение двух родов явлений: с одной стороны, природы, с другой — исторического развития человечества. Философы-материалисты XVIII века, во всяком случае те из них, которые примыкали к Локку, в такой же мере имели свою философию истории, как и свою натур-философию. Чтобы убедиться в этом, достаточно только перелистать их произведения. Поэтому, историки философии безусловно должны были бы изложить

и подвергнуть критике исторические идеи французских материалистов, как они изложили и подвергли критике их понимание природы. Эта задача, однако, не была разрешена. Так, например, когда историки философии говорят о Гольбахе, они принимают обыкновенно во внимание только его „Систему Природы“ и в этом произведении подвергают исследованию только то, что имеет отношение к натур-философии и к морали. Они игнорируют исторические воззрения Гольбаха, в изобилии рассеянные в „Системе Природы“ и в других его произведениях. Нет поэтому ничего удивительного, что широкая публика даже не подозревает о существовании этих взглядов и что она составляет себе совершенно неполное и ложное представление о Гольбахе. Если принять еще во внимание, что этика материалистов почти всегда истолковывается превратно, то приходится признать, что очень многое в истории французского материализма XVIII века нуждается в поправках. Следует заметить, что указанный нами прием встречается не только в общих курсах по истории философии, но и в специальных историях материализма,—впрочем, пока еще очень немногочисленных—так, например, в немецкой работе Ф. А. Ланге, которая считается классической, и в книге французца Жюлья Сури.

Что касается Маркса, то достаточно указать, что ни историки общей философии, ни историки материализма, в частности, не дают себе даже труда упомянуть об его материалистическом понимании истории.

Когда палка перегнута в одну сторону, для выпрямления необходимо перегнуть ее в обратную. В настоящих „Очерках“ я вынужден был поступить именно таким образом: я должен был, прежде всего, изложить исторические идеи рассматриваемых мыслителей.

С точки зрения той научной школы, к которой я имею честь принадлежать „идеальное есть не что иное, как переделанное и переработанное в человеческой голове материальное“. Кто хочет с этой точки зрения излагать историю идей, должен потрудиться объяснить, как и каким образом идеи той или иной эпохи были порождены ее социальными условиями, то-есть, в конечном счете, ее экономическими отношениями. Дать такое объяснение—это огромная и благодарная задача, разрешение которой совершенно преобразует историю идеологий. В настоящих очерках я делаю попытку подойти к решению этой задачи. Но я не мог посвятить ей надлежащее внимание, и по весьма простой причине: прежде, чем ответить на вопрос, почему развитие идей совершалось тем или иным образом, надо сперва уяснить себе, как шло это развитие. В применении к нашей теме это значит, что объяснить, почему материалистическая философия развивалась

так, как мы это видим у Гольбаха и Гельвеция в XVIII и у Маркса в XIX столетии, можно только после того, как ясно будет показано, чем была в действительности эта философия, которую так часто не понимали и даже совершенно извращали. **Прежде чем строить, надо расчистить почву.**

Еще одно слово. Может быть, читатели найдут, что я недостаточно подробно остановился на теории познания разбираемых в книге мыслителей. На это я могу возразить, что я старался точно изложить их взгляды в этом пункте. Не принадлежа, однако, к сторонникам столь модной в настоящее время теоретико-познавательной схоластики, я не имел желания подробно останавливаться на этом совершенно второстепенном вопросе.

Г. Плеханов.

Женева. Новый год, 1896.